

У Энн-Мари был план, над которым она работала почти два года. Она прокручивала в голове различные сценарии, сохраняя одни детали и отбрасывая другие. Центральное место в ее плане занимал Доминик, ее брат-близнец, и сегодня был их восемнадцатый день рождения. Он был самой легкой из двух целей, решила она, и если она сможет манипулировать им, то путь к ее главному призу будет ближе. Долгие годы они сражались, как кошка с собакой, но как только в ее голове появилась идея, Энн-Мари неуловимо изменилась, став более доступной и ведя себя так, словно она была обеспокоенной сестрой.

Она знала, что в тот вечер он праздновал с друзьями, и была уверена, что он вернется домой не в лучшем виде, или, по крайней мере, надеялась на это. Энн-Мари оделась к его возвращению, что само по себе было шуткой, потому что под шелковым халатом она была голая.

Спотыкаясь о дверь, Доминик был пьян. Он ожидал, что все уже в постели и спят, и удивился, обнаружив, что его сестра все еще на ногах. Еще больше он удивился, увидев ее в халате; обычно это были пижама и футболка. Она была разговорчива, но постоянно ерзала, казалось, не понимая, что когда халат сползал по ее коже, он местами прорезывался и открывал ему постоянный вид на ее бедра, "V" ее паха и пышные края ее большой груди.

Его друзья постоянно упоминали, что она красивая, подтянутая и сексуальная, но Доминик никогда не замечал этого, по крайней мере, до этого вечера. Он не собирался признаваться никому, и особенно ей, что все еще хочет оттянуть свой конец, но постоянные взгляды на ее тело вдруг заставили его член дернуться. Они были правы в своих словах, несмотря на то, что она была его старшей сестрой на пять минут, как для женщин, она была неплоха; на самом деле, отчасти благодаря его пивным очкам, она выглядела чертовски хорошо.

Энн-Мари делала вид, что не замечает развратных взглядов брата, а Доминик делал вид, что не смотрит на нее, когда она обнажала достаточно плоти, чтобы дразнить его. Трудно было не заметить его стояк и выпуклость в брюках, которые выглядели весьма соблазнительно, когда она трепетала ресницами в его сторону и открывала ему очередной вид на свое декольте. Когда она была готова подняться наверх, она позаботилась о том, чтобы, раздвигая ноги, он получил беспрепятственный вид на ее задницу. Это даст ему повод задуматься, когда он будет засыпать, решила она, и это если он не доставит себе удовольствие первым.

В течение следующего месяца она продолжала давить. В большинстве случаев они встречались по отдельности, но Энн-Мари следила за тем, чтобы они оказывались в одних и тех же заведениях, или чтобы в конце вечера она была неподалеку, и они могли вместе идти домой, часто держась за его руку. Приятели Доминика никогда не жаловались, особенно когда она появлялась с двумя или тремя своими спутниками; все они были привлекательными и сексуальными и занимали его друзей, пока она дразнила своего брата.

Дома, когда Доминик был рядом, она заигрывала и флиртowała, одевалась вызывающе и часто оставляла дверь в ванную или спальню слегка приоткрытой, позволяя ему мельком увидеть ее частично одетой или расхаживающей в нижнем белье. Она уже знала, что он наблюдает за ней, постоянная выпуклость в его брюках - знак того, что он заинтересован.

Она ничего не сказала, но Энн-Мари знала, что пара ее трусиков исчезла, и догадывалась, кто

вероятный виновник. Она не возражала, она была довольна; это означало, что он думает и фантазирует о ней, как она представляла себе своего брата, хватающегося за член, когда он сбрасывал себя. Дальше ей нужна была ситуация, возможность немного расширить границы.

Удача улыбнулась ей однажды днем несколько недель спустя. Она работала за прилавком с косметикой в одном из универмагов города, и это был ее выходной, так как по субботам приходилось работать. Оба ее родителя были на работе, Доминик - в колледже, и она с нетерпением ждала, когда придет домой.

Когда она вошла через заднюю дверь, в доме царила тишина; она сняла туфли и в одних чулках прошла в гостиную. "Две минуты", - подумала она, растянувшись на диване, желая отдохнуть после того, как все утро была в движении, но не желая помять свою форму. Минуту она лежала с закрытыми глазами, ее уши изредка улавливали слабые звуки, но не могли определить, откуда они исходят. Вдруг над ней тихонько скрипнула половица, и быстрый прилив страха заставил ее резко выпрямиться и поднять глаза к потолку, вспомнив, что спальня ее брата находится прямо над гостиной. По правилам он должен быть в колледже, и Анн-Мари подумала, не прогуливает ли он. Поднявшись на ноги, она открыла дверь гостиной так тихо и бесшумно, как только могла, а затем на цыпочках поднялась по лестнице, избегая скрипа.

Прокравшись по лестничной площадке, она услышала звуки, доносившиеся из комнаты Доминика, звуки, которые могли означать только одно, если она правильно угадала. Приоткрыв дверь, она заглянула за край, где крепились петли. Она не могла видеть его верхнюю часть туловища, но то, что она могла видеть его нижнюю половину, было обнаженным, его член торчал вертикально, а трусики были обернуты вокруг его длины. Ощущения зародились в животе и переместились вниз, когда она наблюдала, как пальцы брата дразнят пухлую головку и тихонько стонет.

Пока он мастурбировал, она переместила одну руку к своему паху, задрала юбку и залезла в трусики. Когда она погладила свою киску, ее ноги подкосились; это была идеальная возможность, подумала она, все, что ей нужно было сделать, это толкнуть дверь.

Несмотря на все ее планы, ей все же потребовалось мгновение, чтобы набраться смелости: закричит ли Доминик от ярости, когда она войдет? Вздохнув, она открыла дверь; ее брат закрыл глаза, и то, что он делал с собой, отвлекло его настолько, что он не заметил ее, стоящую в дверях.

"Это мои трусики?" тихо спросила она.

На лице ее брата появилось выражение паники, затем смущения, затем унижения, когда его руки пытались спрятать свой член и ее трусики, обернутые вокруг него.

Убирайся, убирайся из моей гребаной комнаты, - прорычал он, пытаясь замаскировать свой стыд возмущением и гневом. Вместо того чтобы отступить, Энн-Мари пошла вперед, присев на край его кровати и уставившись на то, что он все еще пытался скрыть.

Я могу закончить это для тебя..... гораздо лучше, чем делать это самому с моими трусиками", - сказала она, ее голос был низким и знойным, а взгляд, которым она посмотрела на него, говорил о том, что ее предложение не было шуткой.

Доминику потребовалось несколько минут; конечно, его сестра шутила. Это должна была быть шутка с ее стороны; она просто ждала, когда он уберет руки, и тогда она либо рассмеется, либо сделает что-нибудь грубое с его гениталиями. Она ничего не сказала, продолжая смотреть на него с сестринской любовью и предлагать помощь. Когда он, наконец, медленно пошевелил руками, Энн-Мари протянула руку и сняла трусики с его вала. Ластовица их была жесткой. "Сколько же спермы туда попало? спросила она, глядя на его вялый член.

Проведя пальцем по его длине, она положила руку под него так, чтобы он лежал на ее ладони, слегка сжала и согнула его пенис, чувствуя, как он снова начинает расти. С ее манипуляциями он, казалось, рос в геометрической прогрессии, длиннее и толще, чем она могла себе представить; пока он не стал полностью эрегированным, и она могла легко обхватить его двумя руками. Трудно было сказать, кто из них был возбужден больше. Доминик, чей член сейчас дрочили, или Энн-Мари, которая обнаружила, что ее соски твердые, а киска требует внимания.

Она опустила руку на колени, нежно поглаживая себя по мере нарастания возбуждения. Ее глаза дрогнули и закрылись на минуту, пока другая рука продолжала сбрасывать брата. Доминик наблюдал за ее действиями и воспринял это как приглашение доставить сестре такое же облегчение, какое получала она. Глаза Энн-Мари распахнулись, когда его пальцы достигли верхней части ее внутренней поверхности бедра, в нескольких дюймах от ее киски, ее возбуждение внезапно нарастало. Она не дала своего разрешения, но и не отказалась, просто убрав руку и предоставив брату более широкий доступ.

<http://erolate.com/book/2231/59530>